

Я НЕ ЗНАЮ, в чем тут дело, но итальянские издатели не дружат с законом: Знаменитый Фельтринелли — первым опубликовал «Доктора Живаго» — погиб от взрыва бомбы, которую этот террорист-миллионер должен был куда-то заложить. Бывший глава крупнейшего издательства, и сейчас носящего его имя, владелец «Корьера делла Сера» Риццолли сидел в тюрьме за финансовые махинации. Эйнаути скандально обанкротился, так же, как и Ревердитто; познакомился с решеткой герой этого очерка Армандо Вердильоне, глава издательства «Спираль», ныне «Спираль/Вель».

Я встретился с ним девять лет назад, когда неожиданно для меня в этом, тогда еще неизвестном мне, издательстве вышел отдельной книгой мой рассказ «Терпение» в красивой обложке с репродукцией раннего полотна Кандинского. Армандо пригласил меня на обед в одном из ресторанов пассажа, связывающего площадь Сан-Марко с площадью Ла Скала. Оттуда мы пошли на презентацию книги. Мы сидели на сцене: Вердильоне, профессор Людмила Лонго, взявшая на себя функции переводчика, и я. Передо мной и госпожой Лонго поставили бутылку коньяка «Мартини», и я в первый и последний раз пил на сцене. Сам Армандо не пьет ничего, кроме хорошо заваренного чая, в виде исключения — кофе. По-моему, это единственный итальянец-трезвенник на свете.

Я, как положено, отвечал на вопросы, причем каждый итальянский вопрос — это большое и яркое выступление, в сущности говоря, не требующее ответа. Армандо читал куски из моего рассказа. И плакал. По-настоящему. По его большому, смугловатому лицу текли слезы. И я его сразу полюбил, хотя впечатление он произвел сложное и чуждое рождественскому умилению. Пасхальному тоже.

У него большая голова, что-то индейское в лице. Сейчас, когда он стал носить поверх пальто широченный, огромный красный шарф, похожий на пончо, сходство еще усилилось. Он показался мне мрачным, неулыбчивым, запертым. Он, правда, редко улыбается, но смех у него детский, открытый, беззащитный.

ВИТАЛИИ очень серьезное значение придается месту рождения: провинции, городу. «Он тосканец» — это как знак качества. «Он коренной римлянин» — тоже хорошо. «Неаполитанец» — значит лучше, калабриец — хуже некуда, разве что сицилианец — это конец света. Армандо — калабриец.

Конечно, Калабрия, лежащая в носке апеннинского сапога, менее развита, чем Тоскана, Ломбардия или Венеция, и все же географический снобизм итальянцев не совсем понятен. Как и другая странная черта здесь разнородности снобизма: не принимать, осуждать тех, кто выскочил, обрел популярность, прославился. Свергать кумиров — любимая игра итальянской интеллигентской элиты. Один вдруг объявляет, что Леонардо не умел рисовать. И его слушают, вместо того чтобы просто дать в зубы. «Вы знаете, Мандзони убрал из школьных программ», — сообщает один профессор другому. Мандзони — это итальянский Толстой и Достоевский в одном лице, ему посвящен «Реквием» Верди. В ответ на сенсационное сообщение — не протест, не возмущение, не удивление, а равнодушно-довольное: «Давно пора».

Элита не выносит Лучано Паваротти. Скупой на похвалы Герберт Караян сказал: в мире было два великих тенора — Карузо и Паваротти. Но снобам, особенно миланским, и Караян не указ. Я несколько раз наблюдал, как с появлением на экране телевизора большого, чернобородого, улыбающегося во весь белозубый рот Паваротти какой-нибудь высококолыбий миланец с брезгливой гримасой переключал программу, и обрывался поток расплавленного серебра. Элиты злит, что он, такой огромный, показушный, потеющий и вытирающий большим платком диабетическую росу с обширного чела, представляет нацию. Не выносит элита и самого крупного сейчас художника страны Сальваторе Фиуме (Гуттузо, кстати, тоже не слишком жаловали). У снобов есть лишь один кумир: Феллини и два любимца: Мирелла Френи и Марчелло Мастрояни, последний с оговорками.

Конечно, Армандо Вердильоне далеко не так популярен, как названные корифеи, но он человек достаточно известный, особенно в Ломбардии, чтобы не скучиться на дурное чувство к нему.

Он не только создатель и хозяин изда-

Юрий НАГИБИН

АРМАНДО ВЕРДИЛЬОНЕ

тельства «Спираль», но и глава школы психоаналитиков. Основные нарекания идут по этой линии, но недоброжелательность распространяется и на издательскую деятельность Вердильоне. Но вот что любопытно: как только за ним захлопнулась дверь тюремной камеры, миланская интеллигенция дружно встала на его защиту. Интеллигенты терпеть не могут друг друга, но куда сильнее в них ненависть ко всем официальным государственным структурам, будь то парламент, правительство, суд. Когда темница отворилась и Вердильоне вновь обрел сияние дня, последовало резкое охлаждение.

У каждого народа объединительные стремления принимают свою особую, присущую лишь этому народу форму. Немцы тяготеют к ферейну с бирштубе, с двухлитровыми толстодонными кружками, которыми так сладко дубасить по столешнице под дружное пение крутых мужских песен. Англичане стягиваются в клуб, американцы — в банду, датчан хлебом не корми, дай создать еще одну партию, русские склонны к кружкам, французы — к публичному дому. Любое итальянское объединение сродни мафии.

МАФИИ бывают самые разные. В одном славном городке (по нашему административному делению — это район) всеми делами управляет врачеванная «мафия»: хирурги, терапевты, педиатры. Они ведают муниципальной, политической, общественной, финансовой и культурной жизнью. Эти высочайшей квалификации врачи вкальывают за гроши в государственных больницах, а на работу прилетают из своих вилл на собственных спортивных самолетах.

Когда я получил премию Агридженте, городок пригласил меня на выступление. По окончании вечера я был принят «крестным отцом» в его патриархальной резиденции. У меня было ощущение, что я попал в фильм по роману Пьюзо. Уходя, я едва удержался от желания поцеловать перстень на указательном пальце левой руки годфазера-терапевта.

Самая фантастическая «мафия» — психоаналитическая, ее возглавляет Армандо, виднейший из итальянских последователей Зигмунда Фрейда. Вердильоне и его сподвижники исповедуют древнее фрейдовское благочестие; насколько я понимаю, без тех новшеств, которые внесли в ортодоксальный фрейдизм продолжатели дела великого венца.

Итальянские переводчики, помогая моему общению с самим Вердильоне и его кругом, вместо привычного слова «психоаналитик» употребляют другое — «психоаналист». Так вот, этих психоаналитиков не счесть в Италии. Кажется, нет ни одного городка, чтобы там не было своей «семьи». Конечно, это шутка, но «в ней намек, добрым молодцам урок».

Вердильоне и его приверженцы опираются на высказывание Зигмунда Фрейда, что для занятия психоанализом не обязательно медицинское образование. Мне помнится прямо противоположное утверждение Фрейда: нельзя заниматься психоанализом, если у тебя нет диплома психиатра. Но люди масштаба Фрейда

находятся в постоянном внутреннем развитии, движении, в силу чего меняют свою точку зрения, не боясь прийти в противоречие с самими собой. У Ленина легко найти взаимоисключающие утверждения по всем ключевым вопросам. И вообще, у классиков марксизма, как у Хлестакова, легкость в мыслях необыкновенная, их ничуть не страшит упрек в непоследовательности и противоречивости.

Среди итальянских психоаналитиков меньше всего врачей, но множество журналистов, финансовых работников, учителей, инженеров, юристов, домашних хозяек, коммерсантов, редакторов. Чем бы ни занимались эти люди, их настоящий интерес, их страсть принадлежат психологии, фрейдизму. И они отважно врачуют больные души, опрокинутые мозги своих соотечественников. Большой беды в этом нет, ибо лечатся в основном лица совершенно здоровые.

ВОЧЕНЬ благополучном обществе, где все есть и не надо ожесточенно бороться за выживание, ждать днем и ночью подвоха от властей и себе подобных, нападения на тощий кошелек, очень скоро начинается пресыщение, отсюда — тоска, фобии, английский сплин, скандинавская меланхолия, французская раздражительность, итальянские сдвиги по фазе. Человеку, свободному от груза житейщины: клубника и ананасы круглый год, в самом захудалом магазине вещи от Валентино, Трусарди, Кардена, располагающему уйма незанятого времени, хочется, чтобы с ним возлились: так сладко жаловаться, исповедоваться в несуществующих муках, это повышает ценность собственной душевной жизни, самоуважение, ты видишь себя сложной, глубокой, противоречивой натурой, ты страдаешь, ждешь помощи, волнуешься, ты живешь.

Армандо Вердильоне лучше других понял эту потребность итальянцев во внимательном слушателе, добром, умном советчике, утешителе, но не в попе — надоело, не в деревенском колдуне, не в жулике-экстрасенсе, не в скучном, ограниченном враче, а в человеке, опирающемся на строгую научную систему, познавшим мудрость, сведущем в тайных, подвальных глубинах личности, то бишь, в подсознании. Италия делится на тех, кто лечится, и тех, кто лечит. В Италии любят и умеют болеть, особенно ценными психические отклонения. Нам этого не понять. Когда намнешься в метро и автобусе, намаешься в служебном безделье, настояшься в очередях, накрутишься по домашности, тебе не до психологических выкрутасов. Ты собран, хмур, устал, деловит и спокоен, как пульс покойника.

С провидческой остротой Вердильоне углядел и другое: наиболее состоятельной и потому особенно страдающей и алчущей исцеления части пациентов одних бесед мало, «некоторые любят погорячее». Вы помните превосходный фильм «Что-то пролетело над гнездом кукушки»? Герой фильма (его блестяще сыграл Джак Николсон) сам психостеник, оказавшись в психушке, лечит сумасшедших жизнью: рыбалкой, выпивкой, весельем, сексом. Одного зайку он было излечил полностью, у других появился свет разума в

мутном взоре. Судя по тому, что мне с неохотой и «меканьем» рассказывали в Милане, миланский кудесник применил сходное лечение. Для героя фильма эксперимент закончился трагически, для Армандо серьезными неприятностями. Я не знаю, то ли жадность обуяла мнимых больных, то ли в новаторском лечении они обнаружили неуважение к их недугам, но они пошли валом на Вердильоне, и он оказался за решеткой. И он сам, и другие его почитатели считают, что он пострадал за применение нетрадиционной медицины. К тому же сработала зависть отсталых психиатров. Что было дальше, я уже говорил: интеллигенция поднялась на защиту узника. Он вышел, потеряв в тюрьме тридцать с лишним килограммов. Столько же потеряла возлюбленная Иосифа Бродского, которую он упрекал, что она не отдала ему лишнюю желанную плоть. Он бы придался с отходами «разнузданной страсти».

Едва выйдя, Вердильоне, обхудавший, но еще более энергичный, развернул борьбу за обеспечение узников тюрем работой. Он и меня умудрился втянуть в это чуждое мне дело. Я пламенно выступил в защиту итальянских арестантов. Армандо действует на меня, как очковая змея, я не в силах противиться его тревожному обаянию.

Один из секретов Вердильоне: мощная аура личности. Недаром его сотрудники фанатично ему преданы. У него могучее биополе. Он, конечно, психоаналитик от бога.

ВЕРДИЛЬОНЕ человек широко образованный. Он окончил Католический университет в Милане по философскому отделению, его диплом был посвящен Пиранделло. Продолжал он учение в Париже, в школе лингвистики и психоанализа. Амплитуда его деятельности необыкновенно широка. В 1978 году Вердильоне создал издательство «Спираль», выпускающее и художественную литературу, и научную: философия, политика, экономика и, разумеется, проблемы психоанализа, а также книги по искусству. Среди его постоянных авторов числятся: Аллан Роб-Грийе, Эжен Йонеску, Элли Визель, Жан Даниэль, Марек Хальтер, наш Александр Зиновьев. Издавались в «Спираль» Андрей Платонов, Владимир Максимов, Эдуард Кузнецов, на подходе сборник Юлиу Эддиса, «Неслучайные заметы» Бориса Лунина и моя, пятая по счету книга.

Вердильоне очень много пишет сам. Назову лишь несколько его трудов. «Психоанализ. Мой пример», «Бунтовщик Фрейд», «Чума», «Процесс над словом». Его книги переведены на французский, испанский, японский языки. Сейчас во Франции выходит новая книга «Заговор идолов».

Армандо Вердильоне слишком кипучая натура, чтобы удовлетвориться научной и популяризаторской работой. В 1981 году от создал международный фонд культуры «Веер». Он организатор конгрессов в Токио, Нью-Йорке, Париже, Лиссабоне, а ныне в Санкт-Петербурге. Группа наших известных писателей охотно участвует в мероприятиях Вердильоне: Б.Ахмадулина, Ю.Корякин, А.Битов, Ю.Эддис и примкнувший к ним Борис Мессерер.

Цель Вердильоне — объединение людей вокруг культуры и этических ценностей. И тут его заслуги нельзя переоценить. Ведь наряду с центристскими тенденциями в мире действуют и центробежные, разъединяющие силы, и они достаточно опасны. Не служит, увы, идее миролюбия и русское православие, идущее на открытую конфронтацию с западными конфессиями.

Искренние усилия, направленные на сплочение людей, на открытый диалог, вместо угрюмой розни, должны приветствоваться всеми, кому дорога жизнь, дорог наш несовершенный мир, да ведь много не дано.

Армандо обеспеченный человек, у него прекрасная, умная, высокообразованная и преданная ему жена, нарядный дом, прочное дело в руках, даже замок есть под Миланом, охраняемый довольно доброудушной волчицей, чего ему еще надо — живи да радуйся, а он мечется по свету, недосыпает, работает на износ ради одной цели: соединения, сплочения людей во имя всеобщего спасения. Примечательно, что в пору резкого охлаждения к бывшему общему врагу и разочарования в партнерстве с ним Вердильоне сохранил живой интерес к пребывающей в глубоком упадке стране и всячески втягивает нас в общеевропейский и мировой духовный обмен. Это великодушно и умно, и дальновидно. Нас ведь не сбросить со счетов, какие бы трудности мы сейчас не переживали, потенциал России неисчерпаем, как и ее память, и мы запомним каждого, кто сохранил нам верность.